

# ФИЛОСОФЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

## КНИГА ПЕРВАЯ

© Издательство «Искусство XXI век», 2004  
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Институт философии

### ПРЕДИСЛОВИЕ

История философской мысли, как и история науки, литературы, искусства, лишь условно подразделяется на столетия. Иные древние философы по-прежнему остаются нашими современниками – Платон, Декарт, Кант и сегодня ничуть не «устарели». К тому же люди рождаются, живут и мыслят независимо от хронологических рамок. Мы говорим о «великих системах семнадцатого века» или о живописи Кватроченто, понимая, что такая периодизация условна, хотя и удобна для историка, и не менее полезна, чем прочерчиваемые нашим мышлением географические меридианы и параллели.

Двадцатое столетие ушло в прошлое, и слова «в прошлом веке» употребляются уже по отношению к недавним событиям. Столетия не являются какими-то зонами, тональностями, «монадами без окон и дверей», но у каждого периода имеются свои особенности. У нас есть ощущение «современности», мы отличаем нечто явно ушедшее, переставшее быть актуальным, от того прошлого, которое продолжает воздействовать на нашу нынешнюю жизнь. Временные знаки задаются историческими событиями, содержанием, сочетанием многообразных материальных обстоятельств, действий и идей.

В каком-то смысле девятнадцатый век начался в 1815 году и длился вплоть до 1911 года, а век двадцатый завершился, быть может, вместе с падением Берлинской стены, изменением геополитических реалий, возникших в свою очередь в результате двух мировых войн. Независимо от сегодняшних споров о «модерне» и «постмодерне» мы можем видеть, что те научные, художественные, религиозные и философские идеи, которые продолжают оказывать свое воздействие на умы, получили распространение в первые десятилетия двадцатого века. Это относится и к политическим идеям: фашизм и коммунизм, конечно, имели свои предпосылки, но сделались захватившими массы идеологиями после Первой мировой войны. Теория относительности и квантовая механика, различные варианты авангардизма в искусстве, «диалектическая теология» и подобные революционные для каждой из этих областей идеи были выдвинуты в начале века и остаются значимыми донныне. То же самое можно сказать и о философских учениях: именно в 1910-1920 годах происходит чрезвычайно быстрая смена господствовавших ранее учений.

Когда мы листаем философские журналы первого десятилетия двадцатого века, то обнаруживаем, что известностью пользовались те учения и философы, о которых сегодня мало кто вспоминает. Кто, например, знает в наши дни Р.Эйкена, идеи которого получили широчайшее распространение перед Первой мировой войной, а сам он первым из философов удостоился в 1908 году Нобелевской премии по литературе, не написав ни одного художественного произведения (А.Бергсон был вторым нобелевским лауреатом из философов). В Оксфорде в то время все еще господствовал абсолютный идеализм, критику которого только начинали Б.Расселл и Дж. Мур; во Франции продолжали обсуждать работы Ш.Ренувье. Разве читают сегодня Р.Авенариуса, да и кто бы о нем вообще помнил, не окажи он влияние на известное число русских социал-демократов – политических противников В. Ленина?

Точно такой же отбор происходил в социологии и психологии. Одним из крупнейших немецких социологов 1910-х годов считался В.Зомбарт, историко-экономические работы которого, конечно, сохранили известную ценность, но вряд ли кто-нибудь поставит его сегодня в один ряд с М.Вебером. Психология подсознательного П.Жане была до Первой

мировой войны серьезным конкурентом психоанализа, но мало найдется таких даже среди историков психологии, кто открывал бы в последние годы его труды.

Разумеется, популярность иных концепций и книг является делом случая, в особенности после появления средств массовой информации. Писания каких-нибудь «новых философов» во Франции могли на короткое время сделаться ходовым товаром, а их сочинители – «звездами» телеэкрана. Но такого сорта поделки держатся на плаву недолго – год-другой, да и то по причинам, не имеющим отношения к философии. Значительно сложнее разобраться в том, почему утрачивают актуальность труды по-настоящему крупных мыслителей. Иногда к ним через какое-то время вновь обращаются, их книги переиздаются, включаются в учебные программы философских факультетов. Другим достается лишь несколько строк в обзорных статьях и учебниках. Правда, интерес к ним философского сообщества может возобновиться: мы не можем предугадать будущее и с уверенностью сказать, что через поколение абсолютный идеализм Ф.Брэдли, неокантианская программа Э.Кассирера или этика Н.Гартмана не обретут «второго дыхания», – мы имеем тут дело с действительно оригинальными мыслителями, которые на время как бы выпали из коллективной памяти. Причины могли быть внешними, скажем, эмиграция того же Кассирера из Германии, – в США его идеи почти не привились, а в послевоенной немецкой философии стали доминировать совсем иные учения.

Хотя роль случайности сегодня не так велика, как в древности: труды Аристотеля могли и не отыскаться, многое зависело от усердия ученых мужей – и тогда переписывали те произведения, которые сохраняли значимость. Почти все диалоги Платона дошли до нас именно потому, что каждое новое поколение философов считало их важными. Разумеется, играла свою роль и чисто художественная сторона – поэму Лукреция «О природе вещей» переписывали средневековые монахи, люди весьма далекие от эпикурейской физики и этики. В крупнейших библиотеках Запада мы можем найти труды почти всех философов последних веков, но подавляющее их большинство уже никто не читает. Отбор осуществляем и мы сами.

Дистанция, отделяющая нас от мыслителей, претендующих на звание «философов двадцатого века», сравнительно невелика, а потому составление списка «самых важных» оказывается делом вкуса. Авторы сборника и не ставили перед собой такой задачи – охватить всех выдающихся мыслителей XX столетия. Книга готовилась как пособие для студентов, причем необязательно философских факультетов. В ней нет русских мыслителей (они заслуживают специального издания); одним читателям бросится в глаза отсутствие ряда англо-американских представителей аналитической философии, другие могут упрекнуть составителей в том, что в нем не нашлось места, скажем, Б.Расселу или Ю.Хабермасу. Существенно расширить список западных «властителей дум» позволит ближайший выпуск этой серии.

Авторский коллектив смирился с тем, что глобальные задачи одной небольшой книгой не решить, а потому основное внимание было уделено тем фигурам и учениям, которые прошли «испытание временем» и до сих пор продолжают оказывать влияние – большее или меньшее – на западное философское сообщество. Нашей целью было предельно краткое освещение основных идей этих мыслителей – более широкое, чем в словаре или энциклопедии, но куда более узкое, чем в обширной статье, написанной для специалистов. И если эта книга поможет студентам и аспирантам в изучении истории философии, в подготовке к семинарам и экзаменам, то авторы сборника могут считать свою задачу выполненной.

**А.М. Руткевич**